

дищеву. Его интерес к красноречию имел иной характер. Это отчетливо проявилось в отношении писателя к самому жанру похвального слова.

Первоначально «Слово о Ломоносове» было задумано как самостоятельное произведение, причем оно было озаглавлено вполне в духе традиции: «Слово похвальное Ломоносову». Затем, решив включить это сочинение в состав «Путешествия», писатель внес целый ряд изменений в текст «Слова». Сопоставляя разные редакции и анализируя характер правки, А. Г. Татаринцев замечает, что «Слово» «было выдержано вначале в умиротворяюще-патетическом духе, несколько диссонировавшем с общим тревожно-призывным, беспокойно-будоражающим пафосом книги».²⁶ Вместе с тем объединение «Слова» с другими главами «Путешествия» — факт, замечательный в нескольких отношениях. С одной стороны, это свидетельство гибкости избранного Радищевым жанра: в ткань основного произведения влетают довольно разные по характеру главы. При этом «Слово», так же как и ода «Вольность», сохраняет известную самостоятельность: оно может быть рассмотрено отдельно, взятое вне контекста других глав. С другой стороны, этот контекст существенно обогащает содержание «Слова», так же как и оно в свою очередь играет важную роль в композиции всего «Путешествия». Возможность такого органичного объединения предопределена общим характером и стилем радищевской книги, конкретнее — ее общей ораторской установкой. На эту особенность «Путешествия» обратил внимание Г. А. Гуковский, верно заметив об авторе: «... он проповедует больше, чем показывает <...> „Путешествие“, — пишет далее исследователь, — это страстный монолог, проповедь, а не сборник очерков. Автор не комплектует материал, а формирует его; наоборот, сюжетные куски, вставные новеллы — это или примеры, введенные в проповедь, или же орнамент».²⁷ При всем разнообразии отдельных глав книга выдержана в одном ключе: ораторские интонации явно преобладают. Поэтому в отличие от большинства других «путешествий» сочинение Радищева тяготеет к высоким жанрам. То, что было бы совершенно неуместно, например, в «Сентиментальном путешествии» Стерна, в книге Радищева оказывается вполне оправданным и даже закономерным: в текст включается ода и похвальное слово.

Знакомясь с теорией красноречия, писатель, как мы видели, мог принять некоторые общие принципы, пропагандировавшиеся лейпцигским профессором Эрнести. Однако на практике, при обращении к ораторской прозе, Радищев сталкивался с целым рядом проблем, которые можно было решить, опираясь только на отече-

²⁶ Татаринцев А. Г. «Слово о Ломоносове» А. Н. Радищева. (К проблеме творческой истории «Путешествия»). — В кн.: Вопросы русской и зарубежной литературы. Пермь, 1974, с. 30.

²⁷ Гуковский Г. А. Радищев как писатель. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 171—172.